

Право и современная социологическая наука

Е. А. Попов

(АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Статья раскрывает некоторые возможности взаимодействия современной социологии и науки о праве в развитии такого направления, как социология права.

Ключевые слова: социология, право, нормы, ценности, правоотношения, онтология, институт, социология права.

Современное социогуманитарное знание, развиваясь по принципу полинаучности, заметно расширяет свои эпистемологические границы, а потому сегодня практически не существует однозначных трактовок тех или иных феноменов, явлений или процессов, которые становятся объектами для различных областей науки. В этой связи актуализация вопроса, связанного с утверждением научного статуса социологии права, позволяет на конкретном примере проследить междисциплинарный характер систематизации наук об обществе и наук о праве.

Исследователи зачастую продолжают настаивать на самодостаточности объектно-предметного пространства в тех исследовательских сферах, которыми они занимаются. С одной стороны, это лишний раз подчеркивает желание сохранить некую значимую автономию определенной области знаний, а следовательно, утвердить приоритеты научного по-

иска с опорой на адекватные методологические установки, с другой же стороны, подобные стремления указывают на слишком выраженную ограниченность исследовательских изысканий. В отношении социологии права эти тенденции обнаруживают себя со всей очевидностью, поскольку затрагивают, как нам кажется, сразу несколько важных стратегических для социогуманитарного знания направлений развития науки.

В 1990-е годы на страницах различных научных изданий развернулась дискуссия о природе социологии права, ее включенности или, напротив, исключенности из дискурса двух самодостаточных научных областей — социологической и юридической наук. Целый ряд авторитетных, прежде всего социологических, журналов, в числе которых «Социологические исследования», «Журнал социологии и социальной антропологии» и другие, заострили внимание на «проблеме» социологии

права, имея в виду ее отраслевую неопределенность. И за спором о месте социологии права в системе социальных или юридических наук явно угадывалось намерение отдельных социологов и юристов отстоять относительно новое для тех и других научное пространство, что само по себе могло продвинуть развитие этих отраслей знания в иное исследовательское русло: соответственно социологию — в сферу правовых отношений, а юриспруденцию — в социокультурную реальность. В. В. Лапаева отмечает в связи с этим, что «в социологической литературе доминирует представление, согласно которому социология права — это одна из отраслей общей социологии, т. е. дисциплина социологическая, а не юридическая» (Лапаева, 1999: 47). И если социология оперирует достаточно широким спектром категорий социальной направленности, включая и правовые концепты, то для наук о праве генеральной линией все же остается нормативно-правовая детерминация происходящих в мире и в обществе процессов. Исходя из этого положения можно вести речь о смене методологических приоритетов прежде всего для юриспруденции, стремящейся выйти за рамки строгих нормативных конструкций. Правда, что касается социологии права с точки зрения самой социологии, то обращает на себя внимание выраженный девиантологический вектор в исследованиях данного направления. Так, если обратиться к публикациям последних лет, состоявшимся на страницах научного журнала «Социологические исследования», то можно легко обнаружить подобную закономерность (Теребихин, 2010; Лысова, Щитов, 2010; Гилинский, 2009; Грошева, 2008; 2009; Ушакова, 2008). Вместе с тем такое сужение исследовательского поля явно не идет на пользу самой социологии, поскольку заметно снижает эвристический потенциал социально-правовых (или социолого-правовых) ракурсов исследования. Не усматривается в этом случае и признаков процесса так называемой социологизации правовой науки (Тадевосян, 1997: 64), хотя именно в этом направлении, по-видимому, и следовало бы ожидать наиболее заметных достижений, если иметь в виду довольно повер-

ностный социокультурный контекст правовых исследований в угоду жесткой нормативной традиции.

На наш взгляд, только в последнее время, но опять же в рамках социологических изданий стали предприниматься попытки сформулировать тезисы о культурной или социокультурной специфике права как такового. К примеру, Н. С. Тимашев, задаваясь в очередной раз вопросом «Что такое социология права?», приводит мысль, согласно которой «право — это культурная сила (выделено мной. — Е. П.)» (Тимашев, 2004: 107). Правда, следует заметить, что дальше заявленного тезиса автор не продвинулся и все же свел «культурную силу» к поведенческим и волевым характеристикам индивида, следуя, очевидно, устойчивому сложившемуся в социологических публикациях стереотипу девиантологической интерпретации триадного взаимодействия человека, норм права и нормативно-ценностного комплекса культуры. Примечательно, что далее автор со ссылкой на «превосходное исследование социологической тенденции в юриспруденции», выполненное американским правоведом Р. Паундом (Pound, 1911; 1912a; 1912b), воспроизводит его сентенцию, которая все же нуждается в дополнительной рефлексии: «...область исследования социологии права уже занята юриспруденцией. Это — бесспорный факт» (Тимашев, 2004: 109). К этому остается добавить, что все же бесспорных фактов даже в юриспруденции встречается не такое великое множество, а для социогуманитарного знания утверждение абсолютных категорий, между прочим, и вовсе не является самоценным.

Более четко ориентир на гуманитарное начало в развитии социологии права определен в рассуждениях В. В. Лапаевой, которая полагает: «Отличительным признаком современной социологии права является заметное расширение ее междисциплинарных связей с новыми научными дисциплинами: юридической конфликтологией, юридической политологией, юридической антропологией, юридической этнографией и т. п., процесс выделения которых в качестве самостоятельных сфер знания находится в русле общей тенден-

ции развития науки и связан одновременно и с дифференциацией, и с взаимопроникновением научного знания» (Лапаева, 2008: 151). Если брать в расчет культуруцентричность современного научного знания, то становится понятным желание автора выйти за рамки «монодисциплинарности» и представить развитие социологии права в ракурсе социокультурных концептов современности. Неясным, однако, остается то обстоятельство, что могут представлять собой указанные новые дисциплины — юридическая политология, юридическая антропология и т. д. Как нам кажется, судьба их еще более неочевидна, чем судьба самой социологии права. Вместе с тем остается под вопросом и актуализация таких отраслей социологии, как, к примеру, социология уголовного или гражданского права. По мысли Э. В. Тадевосяна, «наиболее дифференцированной и распространенной структурой социологии права можно считать ту, которая связана с многообразием объекта познания и системой права: например, социология уголовного права, социология семейного права, социология государственного (конституционного) права, социология административного права и т. д.» (Тадевосян, 1997: 67). Со всей очевидностью в этом перечислении раскрывается желание исследователя придать любой отрасли права некий «довесок» в виде социологического конструкта, но подобного рода стремления почти всегда оборачиваются манифестацией каких-либо неубедительных обстоятельств.

Сегодня мы не можем не заметить отсутствие внимания к обозначенной проблематике со стороны авторитетных юридических изданий, что, на наш взгляд, объясняется устоявшимся мнением об утилитарном, а точнее — прежде всего эмпирическом значении социологии для правоведения в части активного использования определенных методов исследования. Именно поэтому нередко встречаются суждения о расширении предметной области проводимых в рамках социологии права исследований с использованием разнообразных *средств* и *методов* исследовательской деятельности (Саидов, 2006: 97). Конечно, для юриспруденции или некоторых

ее областей (криминологии, например) это обстоятельство является необходимым условием приращения нового знания, однако сведение социологии только к обеспечению «технологического процесса» в изучении конкретных феноменов или явлений, в том числе и правовых, звучит по меньшей мере неубедительно. К слову сказать, современная социология также переживает нечто подобное кризису, сама того не желая, обозначив демаркационную линию между теорией и практикой научного изыскания, — не секрет, что зачастую игнорирование известных принципов социологической теории приводит исследователей к весьма поспешным выводам и заставляет усомниться в эвристической ценности полученных результатов.

Возвращаясь к дискуссии о сути социологии права в различных научных изданиях, заметим, что если социологические журналы в основном ставили вопрос о междисциплинарном характере развития этого исследовательского направления, то некоторые публикации в известных юридических журналах обращались к поиску парадигмальных ориентиров социологии права (Лапаева, 1989; 1992 и др.). На самом деле и первый, и второй ракурсы освещения указанной проблематики имеют свою ценность и позволяют судить о важности и необходимости дальнейшего развития социологии права не просто как юридической или же социологической дисциплины или отрасли знания, а как комплексной научной области, самодостаточной в системе наук об обществе и наук о праве. По уже известным публикациям можно сделать вывод о доминировании точки зрения, в соответствии с которой социология права рассматривается то как часть общей социологии (при этом главным образом исследуется проблема соотношения различных категориальных систем — общество, право, нормы, ценности и т. д.), то соотносится либо открыто противопоставляется теории права, символизирующей, по сути, начало начал в цикле юридических наук. Подобного мнения придерживается, в частности, профессор В. В. Варчук, склонный считать социологию права все же отраслью социологии. Он полагает: «Что касается социологии

права, то она, как часть общей социологии, получила от нее очень много. <...> Многие понятия, которыми пользуется социология права («социальное принуждение», «социальный контроль», «коллективное сознание», «роль», «аккультурация» и др.), — это понятия общей социологии, которым придан правовой аспект» (Варчук, 1996: 105). В то же время, по мысли ученого, теория права (или «догматическая юриспруденция») заставляет правоведа «в силу своей профессиональной специфики находиться как бы внутри правовой системы», а «социолог же, наоборот, пребывает вне изучаемой системы... и, наблюдая ее, ни в коей мере не влияет на ее функционирование» (там же: 106). В принципе далее можно обозначить связь социологии и с другими областями знания, и даже, возможно, с естественными науками, однако, на наш взгляд, путь этот не является продуктивным и еще более способен запутать исследователя, поставившего своей целью изучить природу социологии права, выявить этапы ее развития. По-видимому, корень решения проблемы соотношения социологии права и других сфер познания лежит в особенностях концептуализации современной социологии и системы наук о праве в начале XXI в.

Особого внимания, как нам кажется, заслуживает вопрос и о включенности некоторых методологических позиций правовой науки в «цивилизационные проекты», характерные для социогуманитарной научной области и представляющие собой не что иное, как новые ракурсы восприятия мира, человека, общества, государства. С точки зрения некоторых исследователей, такие «проекты» не всегда оперируют категориями нормы, социальной справедливости, правовой ответственности и др., но по-прежнему направлены на регулирование общественных противоречий. Ф. М. Раянов, например, считает, что, «будучи составной частью обществоведческой науки, юридическая наука... должна находиться в здоровой оппозиции по отношению к действующей государственной власти» (Раянов, 2006: 48). Понятно, что такое положение вещей не совсем соответствует статусу науки, а скорее характеризует определенный факт

общественных отношений, но сквозь призму нормативного подхода очевидна мораль — юридическая наука более оперативно способна заполнить ниши в системе права и предложить тем же органам государственной власти действенные способы преодоления конкретных противоречий. Вместе с тем и социогуманитарная сфера познания испытывает противоречия методологического плана и потому с трудом выстраивает свои «цивилизационные проекты» — «многомерная социальность как сложная динамическая форма не схватывалась имеющимися познавательными средствами. Концепции социального и коммуникативного действия исчерпали свои методологические ресурсы» (Кемеров, 2005: 27). Как видим, в аналогичных условиях сложных и полных противоречий методологических исканий оказываются и современная юридическая наука, и область знаний о социальной реальности. И если для первой вектор поиска направлен в социокультурное пространство — в мир ценностей, идеалов, традиций, к национальной идее и т. д., а не исключительно к утверждению тех или иных норм права, то для второй — к таким «цивилизационным проектам», которые очеловечивают окружающую реальность, сохраняют элементы духовного в ней.

Социология сегодня, в отличие от юридической науки, вынуждена решать проблемы «вечных» спутников современного социогуманитарного знания — категориальных систем культурного и социокультурного, границы которых в научном смысле зыбки и не могут быть определены исключительно эмпирическими методиками. Тем не менее именно прикладной социологии отводится некое не оправданное теоретиками первенство в интериоризации указанных концептов. В частности, усилившийся в последнее время крен в сторону операционализации мира, его многоликих составляющих и попытки за счет аппарата социологической науки выяснить процентные соотношения и показатели ресурсов окружающей реальности все чаще игнорируют онтологические характеристики действительности. По мысли М. Н. Руткевича, проблемы социального порядка (воспроизводство численности населения) способны в контексте

частных социологических теорий и тесно связанных с ними эмпирических социологических исследований предоставлять «макросоциологии» *«необходимый материал для принципиальных суждений о развитии мира в прошлом и настоящем»* (Руткевич, 2005: 22). Это положение стало своеобразным символом современной социологии, идущей по пути манифестации и императивности опытного начала; ситуация складывается таким образом, что к традиционному пониманию *социологии как науки об обществе* (в расширительном теоретическом толковании) постепенно добавляется *специальное значение социологии как науки о социальном эксперименте, социальной экспертизе и прогнозе*. Вместе с тем заметные подвижки происходят и в самой *теории общества* — «современное общество представляет собой социобиотехнический организм, систему» (Яницкий, 2005: 84). Подобные интерпретации акцентируют внимание на современности, создавая часто картину особого положения общества рационального, развивающегося преимущественно в масштабе экономических приоритетов. Очевидно, что характеристики духовного общества категорически не подходят для современности: по законам социального развития они как будто утрачивают свой первоначальный смысл, уступая место более отвечающим времени особенностям. Действительно, современное общество не просто *социологично*, оно в высокой степени *технологично*. Разумеется, это предопределяет специальные процедурные этапы в исследовании общественных отношений и связей. Все же *технологичное* общество обладает выраженным стремлением к преодолению культурного традиционализма и, значит, движется в направлении десемантизации известных «культурных идиом» — это есть главная технология современного общества, «социобиотехнического организма». Для социологии в этом заключается большая сложность — в последнее время складывается такое впечатление, что теоретическая социология, не способная отказаться от критерия научной классичности, в вопросах трактовки духовности и ее социальных значений на голову опережает социологию экспериментальную, в большинстве

своем ведущую подсчеты духовных потерь. Здесь на первый взгляд нет никакой опасности — это лишь еще одна заметная сторона в развитии научного мышления и попытка представить мир не только в императивности ценностей и норм.

С точки зрения изменений, происходящих в социологической науке, безусловно, затрагивающих и юриспруденцию, судьба социологии права как будто более или менее становится понятной. Не остается сомнений в том, что социология права должна следовать тем методологическим «идеалам», к которым стремится в целом вся «большая» социология, а именно — социокультурным доминантам, а не исключительно технологическим, процессуальным приоритетам. В то же время социология права не должна каким-либо образом демонстрировать свое отчуждение по отношению к юридическому знанию, но такому знанию, которое не ограничивает себя жизнеописанием правовых норм и процедур их воздействия на человека и общество и прежде всего устанавливает планку социокультурного постижения окружающей реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варчук, В. В. (1996) Социология права — отрасль социологии // Социол. исследования. № 10. С. 95–108.
- Гилинский, Я. И. (2009) Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социол. исследования. № 8. С. 70–73.
- Грошева, И. А. (2008) Социальный контроль в практиках профилактики девиаций // Социол. исследования. № 2. С. 97–101.
- Грошева, И. А. (2009) Модальная личность: портрет с отклонениями // Социол. исследования. № 3. С. 82–88.
- Кемеров, В. Е. (2005) Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Российского философского общества. № 3. С. 22–31.
- Лапаева, В. В. (1989) Социологическое обеспечение законотворчества // Советское государство и право. № 9. С. 27–35.
- Лапаева, В. В. (1992) Социология права: в поисках новой парадигмы // Государство и право. № 7. С. 15–27.
- Лапаева, В. В. (1999) Социология права как юридическая дисциплина? // Социол. исследования. № 7. С. 47–57.

Лапаева, В. В. (2008) Социология права: история и современность // Социол. исследования. № 6. С. 145–154.

Лысова, А. В., Щитов Н. Г. (2010) О внутрисемейном насилии // Социол. исследования. № 10. С. 55–62.

Раянов, Ф. М. (2006) Матрица правового государства и наша юридическая наука // Государство и право. № 8. С. 45–50.

Руткевич, М. Н. (2005) Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России // Социол. исследования. № 7. С. 22–30.

Сайдов, А. Х. (2006) Социология права: каков ее научный статус? // Социол. исследования. № 7. С. 97–103.

Тадевосян, Э. В. (1997) К вопросу о социологии права // Социол. исследования. № 11. С. 62–68.

Теребихин, В. М. (2010) Флуктуации суицидального поведения населения Республики Коми // Социол. исследования. № 10. С. 48–54.

Тимашев, Н. С. (2004) Что такое социология права? // Социологические исследования. № 4. С. 107–112.

Ушакова, Е. С. (2008) Суицидальные риски // Социол. исследования. № 2. С. 106–110.

Яницкий, О. Н. (2005) Россия как экосистема // Социол. исследования. № 7. С. 84–94.

Pound, R. (1911) The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I) // Harvard Law Review. Vol. 24. P. 591–619.

Pound, R. (1912a) The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part II) // Harvard Law Review. Vol. 25. P. 140–168.

Pound, R. (1912b) The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III) // Harvard Law Review. Vol. 25. P. 489–516.

LAW AND MODERN SOCIOLOGICAL SCIENCE

E. A. Popov

(Altai State University)

The article reveals some possibilities of the interaction between contemporary sociology and law in the development of such a field as the sociology of law.

Keywords: sociology, law, norms, values, legal relations, ontology, institution, the sociology of law.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Varchuk, V. V. (1996) Sotsiologiya prava — otras' sotsiologii // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 10. S. 95–108.

Gilinskii, Ia. I. (2009) Sotsiologiya deviantnosti (novelly i perspektivy) // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 8. S. 70–73.

Grosheva, I. A. (2008) Sotsial'nyi kontrol' v praktikakh profilaktiki devyatsii // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 2. S. 97–101.

Grosheva, I. A. (2009) Modal'naiia lichnost': portret s otkloneniami // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 3. S. 82–88.

Kemerov, V. E. (2005) Meniaiuschchaiaia rol' sotsial'noi filosofii i tsivilizatsionnye proekty // Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva. № 3. S. 22–31.

Лапаева, В. В. (1989) Sotsiologicheskoe obespechenie zakonotvorchestva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. № 9. S. 27–35.

Лапаева, В. В. (1992) Sotsiologiya prava: v poiskakh novoi paradigmy // Gosudarstvo i pravo. № 7. S. 15–27.

Лапаева, В. В. (1999) Sotsiologiya prava kak iuridicheskaia distsiplina? // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 7. S. 47–57.

Лапаева, В. В. (2008) Sotsiologiya prava: istoriia i sovremennost' // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 6. S. 145–154.

Lysova, A. V., Shchitov N. G. (2010) O vnutrisemeynom nasilii // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 10. S. 55–62.

Raianov, F. M. (2006) Matritsa pravovogo gosudarstva i nasha iuridicheskaiia nauka // Gosudarstvo i pravo. № 8. S. 45–50.

Rutkevich, M. N. (2005) Vosproizvodstvo naseleniia i sotsial'no-demograficheskaiia situatsiia v Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 7. S. 22–30.

Saidov, A. Kh. (2006) Sotsiologiya prava: kakov ee nauchnyi status? // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 7. S. 97–103.

Tadevosian, E. V. (1997) K voprosu o sotsiologii prava // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 11. S. 62–68.

Terebikhin, V. M. (2010) Fluktuatsii suitsidal'nogo povedeniia naseleniia Respubliki Komi // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 10. S. 48–54.

Timashev, N. S. (2004) Chto takoe sotsiologiya prava? // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 4. S. 107–112.

Ushakova, E. S. (2008) Suitsidal'nye riski // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 2. S. 106–110.

Ianitskii, O. N. (2005) Rossiia kak ekosistema // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 7. S. 84–94.

Pound, R. (1911) The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I) // Harvard Law Review. Vol. 24. P. 591–619.

Pound, R. (1912a) The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part II) // Harvard Law Review. Vol. 25. P. 140–168.

Pound, R. (1912b) The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III) // Harvard Law Review. Vol. 25. P. 489–516.